

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

От их смекалки и отваги
зависела судьба
фронтовых операций

РАЗВЕДКА

41 ГО

ОГНЕННЫЙ
ТЫЛ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Огненный тыл

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Огненный тыл / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

Июль 1941 года. В результате успешной операции немцам удалось окружить под Смоленском две советские армии. Захвачена последняя переправа через Днепр. С каждым днем положение наших частей становится все безнадежнее. Группа полковой разведки лейтенанта Глеба Шубина получает приказ найти дорогу, по которой наши штурмовые отряды смогли бы незаметно прорваться к занятой немцами переправе. Задача не из легких, но опытные разведчики уже научились побеждать опасного врага. Глубокой ночью они переходят линию фронта и начинают свою привычную игру со смертью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Огненный тыл

© Тамоников А.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава первая

Мерно поскрипывал полевой телефон с фоническим вызовом – устройство в металлическом корпусе, с тканевыми лямками для переноски. Шнур трубки крепился к аппарату штепсельной вилкой. Недовольно морщился небритый обер-ефрейтор в кителе с расстегнутым воротом – качество связи оставляло желать лучшего. Треснул эфир, он отдернул руку, поковырялся пальцем в ухе, скорчив при этом такую мину, словно из трубки ему выстрелили в голову. Прошло соединение – он облегченно выдохнул.

– Дитер, это «третий», у нас все тихо. Дитер, слышишь меня? – Он несколько раз повторил последнюю фразу. Абонент отозвался. – Происшествий нет, следующий вызов через полчаса... Спасибо, Дитер, и вам удачи, в этой стране она нам точно не помешает, – обер-ефрейтор оскалил хорошо сохранившиеся зубы и пристроил трубку на рычаг. Перехватил взгляд сидящего напротив обер-гренадера, натянуто усмехнулся: – Все нормально, Курт, дозвонился.

– Ты словно из боя вышел, Леонард, – товарищ вытер носовым платком вспотевший лоб.

– В этой стране отвратительная связь, – пожаловался сослуживец, – невозможно понять почему. До Дитера два километра, а слышимость такая, будто он в Лейпциге.

– Ты еще вспомни, какие здесь дороги.

– Дороги? – удивился собеседник. – Разве в России есть дороги? Знаешь, дружище, если бы в России были дороги, мы бы уже давно пришли в Москву.

– И жара отвратительная, – посетовал из соседней воронки осанистый унтер-офицер Берг. – Разве можно существовать в такой жаре? Это не страна, а какая-то сатанинская баня.

Он сидел в воронке в гордом одиночестве, пристроив в качестве сиденья обломки снарядного ящика. Карабин «маузер» покоился между коленями, унтер закатал рукава кителя с белой окантовкой на бортах и рукаве – отличительным знаком пехотных частей. В жару грубое армейское сукно носилось плохо. Пик зноя давно прошел – солнце три часа назад миновало полуденную отметку. Но все равно было жарко, душно, хотелось освежающего ветерка.

– И население в этой стране не очень гостеприимное, – развивал тему обер-гренадер. – Я даже молчу про так называемую армию – это сборище совершенно неподготовленных, плохо одетых и слабо вооруженных людей. Порой они доставляют нам хлопоты. Мы их гоним, берем в плен сотнями тысяч, а они берутся непонятно откуда, нападают толпой, им совершенно плевать, что их сейчас убьют, а другой жизни не будет. Я ловлю себя на мысли, что совершенно не понимаю этих людей. Порой они непредсказуемы.

– Армия-то ладно, – засмеялся Леонард, – а вот жара, плохая связь, отсутствие дорог – это вещи серьезнее.

– Довольно болтать, – перебил унтер. – Внимательно следите за местностью и прекращайте курить. Остался час, надеюсь, нас вовремя сменят.

Извиваясь задом, унтер выполз на гребень воронки. Аванпост был вынесен за пределы позиций пехотного батальона. Расположение части отсюда не просматривалось. Телефонный провод убегал на запад по высокой траве, терялся в перелеске. Последний не отличался размерами, за ним находилась еще пара таких же, растительность сливалась, и создавалась иллюзия сплошного лесного массива.

Местность на востоке болотистая. С севера и юга открытое пространство сжимали лесистые низины, плотно заросшие подлеском и заваленные буреломом. По этим чащам не прошли бы ни люди, ни техника. Ширина открытого пространства – не больше двухсот метров. Зеленый ковер покрывал равнину, белели россыпи клевера. Несколько воронок от шальных снарядов пейзаж почти не портили. Идиллия сохранялась, если не всматриваться. День был в разгаре. По небу плыли перистые облака и хищные птицы с внушительным размахом крыла.

Дозор состоял из пяти человек – недалеко обустроились еще двое. Гренадер Курцман лежал в траве и осматривал окрестности в полевой бинокль. Рядовой Шнитке, скорчившись в ямке, грыз травинку. Слиплись потные волосы. Пилотку с окантовкой он сунул за ремень, каска валялась в траве. Снаряжение создавало неудобства, но снимать его солдатам вермахта во время боевых действий запрещалось. Они таскали на ремнях серьезную тяжесть – и это не всегда оправдывалось. Два патронташа, фляжка, котелок, скрученная плащ-палатка на допниках – специальных ремешках для крепления снаряжения. Саперная лопатка крепилась в специальном чехле совместно со штык-ножом – все это вносило дополнительные неудобства. Завершали экипировку фонарь, притороченный шнурком к погону, и бачок противогАЗа, переброшенный через плечо.

Унтер потянул носом. Терпкий запах луговых трав щекотал ноздри. В правом леске пернатые твари учинили переполох – прыгали с ветки на ветку, заполошно кричали. Впрочем, гомон вскоре оборвался.

Рядовой Курцман улегся на бок, расширил сектор обзора. Теперь он оглядывал лесок, где шумели птицы. Ничего подозрительного наблюдатель не выявил, вернулся на исходную позицию. Унтер сполз в воронку, глянул на часы и стал моститься на обломках снарядного ящика.

– Вижу людей, – вдруг сказал Курцман.

Все насторожились, нахмурился унтер-офицер. Курт и Леонард в соседней воронке взялись за карабины, подались наверх. Со стороны далекой восточной опушки бежали четверо, махали руками, в которых что-то белело, – явно не оружие. Один из бегущих споткнулся, но быстро встал, засеменил, ускоряясь. Люди что-то кричали.

– Русские солдаты, – спокойно сообщил Курцман. – Их четверо, без оружия, бегут к нам. Малиновые петлицы – это русская пехота.

– В атаку идут? – пошутил Курт.

– Не думаю. Они без оружия, без ремней и головных уборов, – чувство юмора гренадеру Курцману было недоступно. – Разрешите открыть огонь, господин унтер-офицер?

– Не будем торопиться, пусть подойдут ближе.

– Это русские перебежчики, – констатировал Курт. – Они размахивают листовками, которые наша авиация сбрасывает им на головы. Посмотрите, какие трусы, господин унтер-офицер – они же зеленые от страха, боятся, что мы по ним стрелять начнем.

– А ты бы не боялся? – ухмыльнулся Берг.

Перебежчики перешли на шаг, стали неуверенно переглядываться друг с другом. Теперь и без бинокля было видно, как они взволнованы: облизывают губы, утирают потные лица.

– Господа, не стреляйте! – крикнул рослый боец с искаженным пятнистым лицом, – мы сдаемся!

– Нихт шизен, нихт шизен! – загорланил темноволосый молодой красноармеец. Он пытался улыбнуться, но выходила какая-то сатирическая гримаса. Познания в немецком языке у парня были явно однобокие.

Унтер привстал и с ехидной улыбкой начал делать приглашающие жесты. Поднялись и остальные. Вылезли из воронки Курт и Леонард, расставили ноги, подняли карабины. И вновь трусливый переполох в рядах неприятельского «войска».

– Не стреляйте, мы сдаемся! Вы сами написали, что эти листовки – пропуск для перехода к вам! – Они опять замахали мятыми бумажками.

– Тафай, тафай! – засмеялся немецкий солдат, хлопая себя по колену и подманивая перебежчиков. Те, неуверенно улыбаясь, подбирались бочком.

– Говоришь, непредсказуемы, Курт? – смеялся Леонард. – И что в них, скажи на милость, непредсказуемого? Они теряют человеческий облик, согласишься? Еще неделя таких боев – и вся их армия будет стоять перед нами с дрожащими коленками.

Военнослужащие вермахта выражая презрительное превосходство, не смотрели по сторонам. Других людей в округе не было, только эти четверо, сбежавшие из своего расположения. Малиновые петлицы на воротниках, но сама униформа – скорее, комбинезоны, чем гимнастерки, – мешковатые, засаленные, потерявшие форму. Возможно, техники, обслуживающие автопарк, или представители ремонтных подразделений.

Перебежчики заискивающе улыбались, по-щенячьи смотрели в глаза. Они стеснительно мялись, совали немцам листовки – те и впрямь считались пропуском в плен. Немецкие летчики тоннами сбрасывали эту низкосортную продукцию на советские позиции. Качеством работы зондерфюреры прифронтовых пропагандистских служб не утруждались. Богатством фантазии не отличалась. «Зачем? – искренне считали представители агитационного фронта, – мы и так победим! Написано без ошибок, и ладно».

«Бойцы и командиры! Друзья! Решайтесь! Смерть за Сталина или жизнь в счастливой свободной России? Думайте о том: кто идет в атаку – идет навстречу смерти! Ты стал пушечным мясом, не жертвуй своей жизнью для других! Единственное спасение – переход к нам! Твои товарищи уже научены горьким опытом!»

Выдумывались номера частей, подразделений, которые всем составом переходили на сторону великой Германии и теперь ощущали себя свободными и счастливыми людьми, сбросившими с себя ярмо большевизма!

Красноармейцы тянули вверх руки – словно соревновались, кто выше. Немцы, посмеиваясь, обшаривали перебежчиков. Ничего подозрительного обыск не выявил. Пехотинцы расслабились, стали отпускать остроты. Курцман пошутил про отбившихся от стада овец...

Но в окружающем пространстве что-то неуловимо менялось. Унтер-офицер отметил движение краем глаза, но реакция запоздала. Метнулось что-то страшное, оскаленное, в бесформенной мешковине цвета лесной зелени! Острый нож вонзился в бок, продрал до кишок. Дыхание перехватило, свет померк. Обмякшее тело повалилось в траву.

Остальные задержались, но все закончилось очень быстро. Мелькали ножи, развевались лохмотья, сосредоточенно сопели люди.

Шнитке вскинул было карабин, но на него набросились сзади, перерезали глотку сияющим на солнце лезвием. Немец рухнул на колени, выронив свой «маузер», схватился за кровоточащую рану. Агонизировал Курцман – сучил ногами, держался за вспоротый живот. Глаза теряли жизненный блеск, превращались в мутные стекляшки. Вздрагивал придушенный Леонард, давился рвотой, сипел: «Не надо, не надо...»

– Это, сволочь, самое малое, что я могу для тебя сделать... – выдохнул «леший», вонзая нож под ребра и проворачивая рукоятку.

– Фу, как кроваво, – поморщился молодой черноволосый «перебежчик». Эти четверо не принимали участия в схватке, стояли в сторонке и молча наблюдали за происходящим. Свою задачу они выполнили. Удрученно покачивал головой рослый молодец.

Извивался в траве обер-гренадер Курт. Ранение в спину оказалось несмертельным – тело частично парализовало. До этого дня ему и в голову не приходило, что однажды он может умереть. И вот внезапно это случилось! Бедняга задыхался.

– Кто вы? Что вы хотите? – выдавил он в отчаянии.

– А на кого мы похожи? – Над умирающим склонилось измазанное грязью лицо. – Полковая разведка. Лейтенант Шубин Глеб Станиславович, мое прощальное почтение.

Обер-гренадер икнул одновременно с ударом. Глаза полезли из глазных впадин и застыли, остекленев. Голова покойника безвольно откинулась назад.

– Может, и нам стоило представиться? – задумчиво вымолвил коренастый, какой-то бесцветный разведчик с постным лицом. Он тщательно вытирал нож о суконный китель убитого.

– Тебе точно не надо, Иван, – усмехнулся черноволосый, – у тебя фамилия страшная. А этим ребятам и так не по себе.

– Фамилия как фамилия, – буркнул боец.

– Да нет, Иван, она у тебя действительно страшная, – осканился молодой якут с широкой, как блин, физиономией. Он говорил по-русски без акцента. – Смотрите, товарищ лейтенант, как хорошо им тут было. Служба не в тягость, никакого начальства, знай, наслаждайся на природе. А тут пришли русские и все испортили.

– Ты русский? – удивился улыбчивый Паша Карякин.

– А какой же еще! – воскликнул Баттахов. – Ты посмотри на меня внимательно, дурья твоя башка! Я что, похож на папуаса?

– Ладно, хватит ржать! – перебил лейтенант Шубин, жилистый 27-летний мужчина с короткой стрижкой и лучистыми глазами. – Вы, перебежчики хреновы, живо за своим нарядом! Он там, в лесу! – лейтенант ткнул пальцем, обозначая направление, – привести себя в порядок и ждать на опушке! Остальные – по воронкам, и не высовываться!

Мертвые тела замаскировала трава. Немецкие позиции отсюда не просматривались. И то, что натворили разведчики 239-го стрелкового полка, пока еще не было известно противнику.

Разведчики в масках, напоминающих костюмы леших, рассредоточились по воронкам. Шубин высунул голову. «Перебежчики» чесали к южному лесу, где товарищи оставили их боевую форму. Рослый Николай Ершов высоко подбрасывал ноги. Неслись сломя голову черноволосый Влад Дубровский, сержант Климов, приземистый и коренастый ефрейтор Чусовой. Последний разогнулся, обошел товарищей, протаранил стену шиповника.

– Телефонный провод перережем, товарищ лейтенант? Чего он тут вьется? Непорядок, – внес предложение Карякин. Он лежал рядом и задумчиво смотрел на темную змейку, выющую по траве. Полевая телефония помалкивала.

– Отставить, красноармеец. Нам от этого провода ни жарко ни холодно. Лежи и наблюдай за обстановкой.

Обстановка не изменилась. В лесу распевали пернатые, жарило солнце. О войне (если не замечать мертвых фрицев) напоминали лишь звуки отдаленной канонады.

Остаться на этом участке было рискованно. Узкую равнину сжимали болотистые леса, передвигаться по ним было опасно. Проходимой оставалась лишь узкая полоса вдоль опушки, ей и воспользовались пятеро бойцов. «Действовать только ножами, никакой стрельбы, – заблаговременно предупредил Шубин, – скрытно подбираемся, пока наши шуты гороховые немчуру ублажают. Нападаем одновременно – их пятеро и нас пятеро...»

Теоретически немцев можно было не трогать, но тогда разведчики ползли бы черепахами, а противник не слепой. В тылу остаются пятеро, а впереди не пойми что. Хорошо, что толпой не вывалили из восточного леса, укрылись за деревьями, и Шубин в бинокль сумел выявить пост. Обычные вояки в полевой «мышинной» форме, про искусство маскировки имеют лишь поверхностное представление. План возник спонтанно, сыроватый, но интересный: отвлечь внимание, пока подберется группа с ножами...

– Правильно сделали, что взяли немецкие листовки, – прошептал якут Айхан Баттахов. – Верно, товарищ лейтенант? Как чувствовали, что могут пригодиться.

– Верно-то верно, – из соседней воронки подал голос Смертин, – только рискованно. Нашему особисту товарищу Пшеннику бесполезно что-то объяснять. Нашел бы – и загремели бы мы в лучшем случае под трибунал, а в худшем – по законам военного времени – без суда и следствия...

– Так мы же для благого дела, – возмутился Баттахов.

– А это на том свете объяснять будешь, – фыркнул Паша Карякин, – архангелам, апостолам или кто там тебя встретит после расстрела.

Глеб промолчал. Пропаганда фашистской Германии трудилась, не покладая рук. Качество работы подменялось количеством. Листовки, призывающие бойцов Красной Армии сдаваться в плен, сбрасывались с самолетов в невероятном количестве. Они валялись везде –

в необитаемых лесах, в населенных пунктах, падали, как снег, на позиции обороняющихся войск. Пропагандисты обещали почтительное отношение в плену, скорую встречу с родными, достойную жизнь в избавленной от ига большевизма России. Хранить листовки запрещалось под страхом расстрела. Специальные команды собирали их и сжигали. Второго дня особисты отловили двух красноармейцев, сунувших в карманы эти листовки. Вступить за несчастных не посмел даже комроты. Шубин лично наблюдал, как их гнали к оврагу – растерянных и перепуганных. Они кричали, что не собирались в плен, а листовки взяли для самокруток – снабженцы ведь не привозят папиросную бумагу! Возможно, так и было, но кто же станет разбираться? Сослуживцы отворачивались, прятали глаза, а те истошно кричали, пытались достучаться до сотрудника Особого отдела, приводящего собственный приговор в исполнение. Что такое жалость, лейтенант госбезопасности просто не представлял. Крики оборвались, когда он начал бегло стрелять...

За спиной раздался шум, посыпалась земля. Шубин покосился через плечо. Михаил Канторович, путаясь в нашитых на комбинезон «струпьях», перебрался на другую сторону воронки, подтянул к себе труп немецкого солдата и начал обшаривать подсумок. Две гранаты он забрал, не раздумывая, скептически поглядел на штык-нож в чехле, поколебался, но все же решил не брать. Мертвец таращился на него пустыми глазами, нисколько не смущая разведчика.

Канторович был расчетлив и хозяйственен, пройти мимо ценной вещи просто не мог. Примкнуть к компании «перебежчиков» Канторович отказался наотрез, и в этом имелся свой резон. «Вы в своем уме, мужики? – энергично крутил он пальцем у виска. – Немцы обхохочутся и сразу меня прибьют – моргнуть не успеете. За один только нос прибьют». Нос у грамотного и дисциплинированного бойца был действительно выдающийся.

С опушки энергично семафорил Чусовой. Бойцы приняли нужный образ. Шубин встретился:

– Пошли. Рывком к лесу. Бежим так, словно у нас фитили в заднице дымятся!

– Ох, товарищ лейтенант, ну и метафоры у вас с гиперболами... – посетовал Канторович.

Пятеро в «отрепьях» одновременно выскочили из воронок и припустили к опушке. Полминуты вынужденной неизвестности – вломились в лес, рассредоточились между деревьями. Дальше простиралась заболоченная низина с обилием растительности, соваться в нее смысла не было.

– Все готовы? – выдохнул Глеб. – Вперед, вдоль опушки, из леса не выходим. Эту опасную зону надо миновать. Ершов, ты ничего не забыл?

– Ах да, – хлопнул себя по лбу долговязый Николай и нырнул за косогор. Выволок тяжелую радиостанцию, обтянутую брезентовым чехлом с лямками, стал взваливать ее под усмешки товарищей на свои широкие плечи.

– Раззява, – прокомментировал Глеб.

– Виноват, товарищ лейтенант... Сами попробуйте потаскать эту дуру. Я вам что, владимирский тяжеловоз?

– Так и есть, Коляша, – хлопнул товарища по плечу Дубровский, – ты отличаешься массивным телосложением и большой силой.

– Разговорчики, – проворчал Глеб. – Рацию несете по очереди. Дубровский – следующий. Все, мужики, пошли. Климов, Смертин – в передовой дозор!

Снова двигались краем низины, подолгу стояли за деревьями, ожидая от авангарда известий. Перебегали по одному, замирали, работали ушами. У большинства отсутствовал опыт бесшумного хождения по лесам. Где взять таких людей? Хрустел валежник под ногами, выстреливали ветки. Пашка Карякин, обливаясь потом, вился вокруг Ершова, показывал, куда ступать, отгибал ветки – а тот пер как слон со своей ношей.

Пришлось уйти за косогор в низину, там скорость упала. Справа слышалась немецкая речь, смеялись военные, бренчали котелки и фляжки. Надрывно взвизгнула губная гармошка – «гармонист» закашлялся, те, кто находился с ним рядом, залились смехом.

– Развлекаются, сволочи... – проговорил Баттахов. – Ничего, скоро мы покажем им кузькину мать, еще встретятся с бешеным русским зверем.

Этот забавный паренек, которого за глаза величали «луноликим», сильно нервничал, когда его называли якутом. «Сахаляр я, – объяснял Айхан, делая страшные глаза, – папа якут, мама русская. И жил я не в юрте на стойбище, а в нормальном доме, лесником работал в запovedнике, комсомольские собрания посещал в коллективе и в соцсоревнованиях участвовал...»

Товарищи смеялись: а в коллективе кто? Волки с оленями? И что с того, что мама русская? Якутские гены подавили все. Как Баттахов угодил на войну из далекой Якутии – было делом темным. Якутские дивизии только еще формировались.

Было известно, что прибыл он в европейскую часть РСФСР к родственникам матери, а когда началось это безумие на границе, поспешил в военкомат. Тогда казалось, что война – дело недолгое: поднимется «ярость благородная» и отбросит захватчиков за границу. Даже в страшных снах не допускалось, что лето 1941-го превратится в ад, а Красная Армия покажется на восток, корпуса и дивизии будут гибнуть в котлах, сотни тысяч солдат окажутся в плену благодаря внезапности вторжения и неумелым действиям комсостава...

Расположение пехотного батальона осталось в стороне. За спиной разразились тревожные крики. Гортанно каркал немецкий офицер. Разведчики застыли. Нет, их пока не засекли, очевидно, обнаружили погибших сослуживцев на выносном посту.

Пару минут разведчики сохраняли покой. Потом быстро возобновили движение...

Слева оборвалась низина. Расширилось открытое пространство, обозначилась проселочная дорога в разливе луговых трав. Лес на южной стороне все еще густой, но уже проходимый, осиново-березовый, с плотным ковром лопухов и папоротника.

Справа на проселочной дороге стояли грузовики, выделялись пятна палаток. Доносился размеренный гул – работали дизели. В тылу пехотного батальона расположилось еще одно подразделение. Трещали мотоциклетные моторы. Над стеблями травы двигались серые немецкие каски. Шум затих, колонна скрылась за перелеском.

Несколько минут разведчики лежали на опушке. Последовал приказ углубиться в лес, другого выхода не было. Полсотни метров от опушки – и снова на запад, с пятки на носок, огибая засохшие кустарники, стараясь не ступать в кучи бурелома и валежника.

О том, что немцы обживают эту местность, Шубин предполагал, и все же плотность немецких частей вызвала недоумение: когда успели? Хорошо хоть в чашу не суются.

Тяжелая рация переходила из рук в руки. Чусовой взвалил ее на горб, поправил лямки, шумно выдохнул и, покачиваясь, двинулся по протоптанной дорожке...

Дальше простирался молодняк – сплошной массив двухметровых осиновых побегов. Подлесок сошел на нет, зашуршала прелая листва, сапоги провалились в липкий чернозем. Шли быстро – слишком заметные мишени среди неокрепшей древесной поросли. По курсу обозначилась лесная дорога, она петляла по осиннику – с глинистым покрытием, практически не заросшая чертополохом. Только обочины обрамлял рослый бурьян – в него и рухнули разведчики, когда слева раздалась немецкая речь!

Кто не успел добежать до дороги, упал на месте.

Из-за поворота показались два солдата – в касках, при полной амуниции, вооруженные карабинами «маузер-98». Очевидно, патруль. Карабины они несли в руках, вертели головами. Но особой тревоги не выказывали – спокойно обменивались репликами.

Патруль неспешно приближался, поскрипывала глина под коваными подошвами. Пот струился по щекам, срывалось дыхание. Слава богу, только двое, за ними – вроде никого...

Немцы уже были рядом, смотрели по верхам, не замечая, что у них под ногами. Бренчала амуниция, свисающая с ремней. Это были представители пехотной части – форма с белой окантовкой (ставшая грязно-серой). Справа на груди над накладными карманами – нашитый орел вермахта, оседлавший свастику.

Немецкий язык Шубин знал не в совершенстве, но допросить «языка» или сделать выводы из подслушанного разговора мог. Один немец жаловался на плохую работу полевой почты: отправил письмо своей разлюбленной Эльзе вечером 22 июня, в тот день, когда Германия начала свою «победоносную» войну, и до сих пор нет ответа. Уже пешком могли бы сходить туда-обратно! Дрезден – это не бог весть какая даль! А вдруг письмо не дошло и Эльза нервничает? Она такая впечатлительная. Станет накручивать всех – тетюшку Магду, дядю Генриха, а те ведь тоже не из железа! Товарищ успокаивал: все в порядке, Конрад, почта работает. Просто русские дороги – это такой ужас, их крайне мало, а по тем, что способны функционировать, транспорт пропускают преимущественно на восток, обратное движение слабое. Порой даже вывоз раненых превращается в проблему, не говоря уж про полевую почту. Ничего не случится с его Эльзой, понервничает и успокоится. Шанс, что ее возлюбленного убьют, крайне невелик. «На этот счет я даже не беспокоюсь, Отто, – отзывался жалобщик, – я очень переживаю за Эльзу».

Они уже было прошли мимо, но остановились, чтобы закурить. Щелкнула зажигалка. Брякнул металл – видимо, фляжка. Но – не у немцев! Шубин чуть не выругался. Кому там не лежит?! Ногу свело, а подождать полминуты – никак?!

Немцы дружно повернулись. Запомнился взгляд коренастого белобрысого – сперва недоуменный, потом в глазах появился страх.

Шубин метнулся в атаку, сжимая кулак. От удара немцу разорвало губу, брызнула кровь. Кто-то кинулся вслед командиру, кажется, Дубровский. Патруль не успел закричать, тем более воспользоваться оружием.

Блондин, откинув голову, попятился. Удар подошвой по колену сломал его, как сухую хворостину. Немец подавился хрипом, в следующий миг Глеб оседлал поверженного врага, несколько раз ударил в горло. Фриц уже был не жилец. Завершающий удар пришелся под нос – место чувствительное и очень опасное. Солдат затих, остекленели выпученные глаза. Странно, еще минуту назад он не сомневался, что вернется живым с победоносной войны. А бедная крошка Эльза... Да к черту эту Эльзу! Было бы кого жалеть! А кто пожалеет миллионы советских баб, оставшихся без мужиков?!

Шубин перевел дыхание, поднялся. Разведчики мялись с озабоченными лицами. По дороге катались два тела. Влад Дубровский душил противника, а у того, хоть шея и была не бычья, но никак не поддавалась. Немец был в настоящем ужасе, он не мог поверить, что это не сон. Он беззвучно хлюпал ртом, лицо побагровело, выступили вены на висках. Влад отдувался, но делал свою работу. Глаза врага потихоньку закатывались, движения слабели.

– Ай да физик, – уважительно пробормотал сержант Климов, мускулистый русоволосый парень среднего роста. – Смотри, что делает...

– Превращает живую материю в неживую, – сумничал Канторович.

Влад Дубровский до войны обучался на физико-математическом факультете Московского университета. Не доучился – отправился на фронт. Анемичным доходягой он не был – успешно сдавал нормативы ГТО, совмещал томление на парах с занятиями в секции бокса, любил носиться по футбольному полю. Его уважали, но частенько подтрунивали над самой учебой, – заоблачным явлением для большинства красноармейцев...

Немец сделал судорожный рывок и почти вырвался. Иван Смертин метко ударил его прикладом в голову. Треснул череп, немец затих. Дубровский сбросил его с себя. Протянул руку Паша Карякин, помог товарищу подняться.

– Увертливый, гад... – отдуваясь, проворчал Дубровский и добавил под смешки товарищей: – Да нет, все правильно, материя постоянно находится в движении...

Дорога была пустая в оба конца. Немцы отмучились – валялись с искаженными лицами. Шубин раздраженно сплюнул. Не хватало, чтобы и этих хватились. Шлейф за спиной скоро превратится в павлиний хвост. А они здесь не за этим!

– У кого фляжка брякнула? – Лейтенант сурово смотрел на подчиненных. Разведчики сделали скромные лица, поглядели на командира преданно, с недоумением и обидой. – Еще раз такое случится – пожалеют все, – процедил Глеб, – всю группу накажу. Быстро заправиться, привести в порядок снаряжение. Трупы оттащить в лес, чтобы глаза не мозолили... Дубровский, к тебе это тоже относится!

Работали стремительно: схватили мертвых за конечности, утащили в лес. Канторович подошвой разровнял следы на дороге. Была бы метла, подмел бы! Тела утрамбовывали в подвернувшуюся канаву, засыпали листвой.

– Быстро просыпаемся, товарищи красноармейцы, летать надо, бойцы! – висел над душой лейтенант Шубин. – В колонну по одному – и на запад!

Снова бежали краем леса, несли по очереди рацию. Пройденные километры с долей погрешности откладывались в голове. Не весь район был занят немцами. Где-то они стояли плотно, на других участках их не было вовсе. Очевидно, и захватчики испытывали нехватку топографических карт.

Чувствительный нос Баттахова уловил запах навоза. Сделали пятиминутную остановку. Баттахов и Смертин, оба бывшие охотники, ушли прояснять ситуацию. Вскоре вернулись, доложили. Справа деревня, дворов на двадцать, немцев в ней нет, жителей тоже не видно. Петухи не поют, куры не кудахчут – значит, немцы в ней точно были и все съестное выгребли. У противоположного леса наблюдается движение – вроде местные, собираются вернуться в свои избы...

Останавливаться не было смысла, пошли дальше. Носильщики радиостанции менялись через каждые двести метров.

Лес кончился. Шубин лег за поваленным деревом, припал к биноклю, за спиной разведчики обменивались впечатлениями.

Картина предстала безрадостная. Часть Позненского укрепрайона между деревнями Батоги и Грязино. Оборонительную линию возводили в спешке, уже после начала войны, – не особо утруждаясь логикой и смыслом. Был приказ, и армейские чиновники его исполняли. Прерывистая линия дотов, два ряда траншей с землянками и блиндажами, противотанковый ров. На его строительство мобилизовали людей из окрестных деревень. Над полем витал душливый трупный запах.

Бой шел примерно двое суток назад, даже не бой – побоище. Противник обошел позиции обороняющегося батальона, ударил с тыла. В сражении явно участвовала немецкая бронетехника. Трупы своих солдат немцы увезли (их было немного), красноармейцев оставили – сами сгниют и станут удобрением на новых пахотных землях. Укрепрайон подвергся массированному артиллерийскому обстрелу. Потом ударили с фланга, пройдя по заболоченной низине. Пушки старых танков Т-26 и БТ-7 калибром 45 мм не могли пробить броню новых немецких машин, а сами горели как факелы. На поле осталось не меньше десятка сгоревших танков, и среди них лишь один немецкий, подорванный, очевидно, связкой гранат.

Траншеи превратились в месиво из земли и бревен, противотанковый ров защитникам не понадобился – немцы его обошли. Долговременные огневые точки превратились в обугленные горки. Враг применял технологию, отработанную еще в Польше. Слабым местом дотов были вентиляционные отдушины и места вывода кабелей. Немцы отыскивали эти участки, направляли в них огнемётные струи – пламя проходило по ходам и выжигало все, что находилось

в доте. Зачастую защитники даже не успевали покинуть этот бушующий пламенем ад, превращались в головешки вместе со своими орудиями и пулеметами...

Смотреть на это было тошно. Охватывало какое-то цепенящее отчаяние.

С северо-запада доносился гул – там перемещалась боевая техника. На укрепрайоне немцев не было. Но бежать по полю, усеянному трупами, было не совсем разумно.

Шубин отполз в лес, приказал отойти и обогнуть поле, не выходя на открытые участки. Передвигались в темпе – без нытья и возражений. Люди терпели, пот пропитывал одежду. «Защитная пленка, – пошутил, отдуваясь, Паша Карякин, – ничего, пар костей не ломит». Было пять часов дня, когда группа вошла в лес и спустилась в овраг.

– Обеспечить пути отхода, – распорядился Глеб, – пятнадцать минут на отдых.

– Да чего тут обеспечивать, товарищ лейтенант? – заныл Ершов, сбрасывая рацию. – Нет же никого во всем лесу...

– А при шухере улетим на воздушном шаре? – Шубин окинул подчиненного таким взглядом, что тот прикусил язык. Не понимают, что живы только благодаря осторожным действиям.

Овраг тянулся, как дорога, – в два конца, имелись сравнительно удобные подъемы: один в тридцати метрах, другой чуть дальше. Люди упали без сил, восстанавливая дыхание. Баттахов сел на глиняный ком, привалился спиной к обрыву и закрыл глаза. Не шевелился, размеренно дышал.

– Чего это с ним? – не понял Чусовой.

– Да все с ним нормально, – отмахнулся Дубровский, – нас не научили, а жаль. Штучки их шаманские. Мгновенно засыпает, расслабляется, и через четверть часа будет полон сил, побежит впереди паровоза. А мы пока накуримся, поболтаем, толком не отдохнем...

– Так пусть научит.

– Делать ему больше нечего, – фыркнул Влад, – учить бестолковых своим штучкам. Это долгий процесс, люди годами тренируются.

– Ну и не надо, – буркнул Карякин. – Мы хоть покурим, поболтаем, насладимся короткими минутами, верно, товарищ лейтенант? Не знаю, кому как, а мне курение только помогает.

– Ерунда эти шаманские штучки-дрючки, – пробормотал Ершов, переворачиваясь на другой бок. – Шаманы-шарлатаны только мозги засоряют коренным северным народам, отвлекают от важных дел...

По неподвижному лицу сновидца проплыла загадочная улыбка – оздоровляющий сон не мешал воспринимать действительность.

Разведчики возвращались к жизни. Смертин извлек кисет, обрывки газетной бумаги – не самый подходящий материал для самокруток. Но в крайнем случае годился и такой. Подтянулись алчущие Ершов и Карякин.

– Ванька, не жадничай, – пробормотал последний, – для лучших друзей ничего не жалко. Вот убьют тебя завтра, а то и сегодня, – и на хрена тебе эти запасы? А на том свете приятно будет – все же с лучшими друзьями поделился.

– А что у немцев не взяли? – вяло отбивался Смертин. – Куча трупов, и у всех карманы забиты куревом. Им точно без надобности.

– Шутишь, Ваня? – Ершов запустил руку в чужой кисет, – мы люди тонкие, чувствительные, немецкие сигареты курить не можем. Это даже не сигареты, а трупный яд какой-то...

Разведчики подползли ближе.

– Курить будете, товарищ лейтенант? – предложил Смертин.

– Не хочу, спасибо. Да и вам не советую, хреново потом будет.

– Извиняйте, товарищ лейтенант, – в предвкушении мурлыкал Карякин, сворачивая сигарку. – А вдруг и впрямь помирать придется, а мы не покурившие?

Глеб, откинув голову, замолчал. Разведчики непринужденно общались. Некурящий Канторович вяло отбивался от предложенного «курительного кулька». Национальность при отборе

людей не имела для Шубина значения. Было негласное распоряжение не принимать представителей «неблагонадежных» наций, в основном прибалтов и жителей Западной Украины, и этим указаниям следовали. Про евреев ничего не говорили.

Миша Канторович имел мышечную массу, до войны учился в Ленинграде на бухгалтера. В 1940-м отправился в армию, невзирая на протесты родителей, служил нормально, ничем не выделялся. Мать работала в «Эрмитаже» на руководящей должности, отец имел отношение к обновленному после прихода Берии НКВД. Чем он занимался по роду службы, узнать не удалось, но отношения с сыном были натянутые: с отцом Канторович практически не общался и, казалось, стесняется своего родителя. Видимо, имелись основания. Боец он был исправный, с юмором и воображением, нареканий по службе не имел. Его присутствию в полковой разведке сначала удивлялись, потом привыкли.

Шубин вяло слушал их разговоры, прикрыв глаза. Якут Баттахов не шевелился и, если честно, Глеб ему завидовал. Парень не уставал и даже не потел – последнее относилось к особенностям организма.

Сдавленно выражался, косясь на командира, Виктор Чусовой, бывший водитель с элеватора. За плечами – война с белофиннами, обморожение, ранение, потом снова в строй. В колхозную бытность – хулиган, драчун, чуть не сел за драку, но выпутался.

Шубин долго колебался, но все же взял парня, поставив ему кучу условий. И что интересно, не пожалел...

На театре военных действий происходило что-то страшное. Это был дурной сон, разум отказывался воспринимать реальность. Красная Армия целый месяц катилась на восток, теряя на полях сражений сотни тысяч, если не миллионы, солдат. Под Минском и Белостоком советским войскам нанесли сокрушительное поражение. Подвижные части группы армий «Центр» устремились к Орше, Витебску и Могилеву. Оборона трещала по швам. Танковые группы без усилий ее прорывали. Удары во фланги механизированными корпусами были сродни булавочным уколам. Западный фронт развалился, просто перестал существовать. Командующего фронтом генерала Павлова арестовали. Военная коллегия Верховного суда приговорила его к расстрелу – за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов, за бездействие и развал управления войсками.

От этого положение не улучшилось. Красная Армия отступала везде – от Заполярья до Черного моря. Потрепанные дивизии Западного фронта спешно отводились в тыл. Из глубины страны прибывали свежие части, но их не успевали развертывать. Удары мехкорпусами 20-й армии тоже не достигли цели – оба корпуса погибли.

Строились новые рубежи обороны – непродуманные, слабые в инженерном отношении. 10 июля немцы перешли в наступление на московском направлении. Танковая группа Гота разбила 19-ю армию под Витебском, устремилась на восток. Гудериан форсировал Днепр в окрестностях Могилева. Танковые дивизии врага подошли к Ярцево, расположенному в 50 километрах северо-восточнее Смоленска, но с ходу взять город не смогли.

Танковая группа Гудериана, двигаясь клиньями на Смоленск, окружила шесть стрелковых дивизий РККА и 16 июля ворвалась в город. Но Смоленск держался, на окраинах завязались упорные бои. Основные части вермахта двинулись в обход города. Попали в окружение 16-я армия Лукина и 20-я – Курочкина. Связь с этими объединениями поддерживалась по единственной бетонной переправе через Днепр у села Соловьево. Переправа находилась в 15 километрах южнее Ярцево. Кольцо сжималось, но оборона держалась. Сводный отряд полковника Лизюкова отражал атаки танков и пехоты. Переправа обстреливалась артиллерией, подвергалась неустанным налетам бомбардировочной авиации. Там творился форменный ад – военные и гражданские пытались переправиться на левый берег, постоянно возникали давки, люди гибли сотнями, панику усугубляли слухи немецких провокаторов...

Советские войска были вытеснены из Ярцево. Кольцо замыкалось. 27 июля немцы нанесли удар с севера по Соловьевской переправе и захватили ее. Сводный отряд Лизюкова, отчаянно сопротивляясь, отошел к югу. Две попытки вновь завладеть мостом успеха не имели. Армии Лукина и Курочкина, а также многие тысячи гражданских, вывозимые на восток организации оказались запертыми в котле. Положение складывалось отчаянное. Гибель в окружении двух армий стала бы поражением всех советских войск.

28 июля немцы заняли Смоленск. Войска оказались блокированы между городом и переправой, ежедневно подвергались обстрелам и авианалетам. Ситуацию нужно было спасать.

В штаб Западного фронта прибыл генерал-майор Рокоссовский с поручением организовать оборону и нанести контрудар в районе Ярцево – с целью разблокировать окруженные под Смоленском армии и вновь завладеть переправой. Войск в распоряжении Рокоссовского было немного – свежая танковая дивизия, остатки мехкорпуса, вышедшие из окружения, несколько потрепанных стрелковых дивизий 19-й армии, потерявших связь с командованием.

Первая же попытка контрнаступления провалилась. Рокоссовский продолжал атаки, и в последних числах июля стрелковым полкам удалось пробиться к Ярцево и вновь завладеть городом.

В составе этих войск действовал отдельный 239-й стрелковый полк полковника Самойлова, в котором взводом разведки командовал лейтенант Шубин...

К полку были временно приписаны два танковых батальона. На вооружении – новые танки «Т-34» и «КВ». Полк стоял на юго-западной окраине Ярцево, зарывшись в землю. Он постоянно подвергался атакам, а свои танковые подразделения прибывали с губительной задержкой. Новая бронетехника не стала панацеей. Механическая надежность новейших танков оказалась под вопросом. Дизельный двигатель В-2, установленный на «КВ» и «тридцатьчетверке», был несовершенен, не прошел обкатку. Паспортный ресурс не превышал 70 часов в полевых условиях! Танки выходили из строя уже на марше, до места назначения добирались единицы. Большинство их использовалось в качестве неподвижных стрелковых точек – те же пушки, только врытые в землю. Механики зашивались.

Обнаружился еще один неприятный факт: новейшие противотанковые пушки вермахта «ПАК-38» легко пробивали броню новых советских танков с помощью подкалиберных снарядов. При отсутствии артиллерийской поддержки наступление танков теряло смысл – их легко поражали зенитные орудия и тяжелые полевые пушки. А в качестве тягачей артиллерии использовались тракторы, что неизменно вызывало отставание от основных сил.

И все же танковое подкрепление сумело переломить ситуацию в районе Ярцево. Командование нарастило плотность огня на узком участке фронта. Немцы отошли. Измотанные советские части приступили к возведению оборонительной линии – рыли окопы, траншеи, возводили блиндажи и пулеметные гнезда. Войска зарывались в землю, ждали обещанных подкреплений...

Глава вторая

– Тихо... – Шубин приложил палец к губам.

Разведчики застыли, потом стали тихо исчезать – кто за дерево, кто в канаву. Обернувшись, Глеб обнаружил, что остался один. Он быстро присел, сместился вбок.

Группа сменила направление, теперь пошли на юг. Неподалеку находилась вражеская часть. Тянуло дымком, солдаты что-то жарили на костре, очевидно, курей, изъятых у сельчан, весело переговаривались. Самое время для ужина – седьмой час вечера. Темнеет в июле поздно, останется время даже повоевать.

Речь была не совсем немецкая – даже совсем не немецкая! Шубин оглянулся, отыскал взглядом Дубровского. Тот сидел на корточках за деревом и делал непонимающее лицо.

– Венгры, товарищ лейтенант, – прошептал сержант Климов, – как пить дать венгры.

– Ты знаешь венгерский?

– А чего его знать? – пожал плечами младший командир. – На этом направлении много венгерских частей. Это нам товарищ политрук говорил. Венгры не такие напористые, как немцы, воюют так себе, но все равно враги, и убивать их надо, равно как и немцев...

Шубин пожал плечами. Логика безукоризненная: если не немцы, значит, венгры. Многочисленно у фашистского режима оказалось союзников: венгры, румыны, итальянцы...

Противник постепенно просачивается в район между Соловьевской переправой и Ярцево, создавая угрозу для последнего. Части врага пока разобщены, зачастую противник движется по инерции, опережая собственные планы, окрылен успехами, уверен, что теперь так будет всегда. Что писал товарищ Сталин про «головокружение от успехов»? Не в то время, не по тому поводу, но все же...

Лейтенант мотнул головой – уходим в сторону. Группа «леших» потянулась за командиром.

– Пару гранат бы в этот вертеп, – злобно просопел Ершов, – будет им ужин как в лучшем московском ресторане. И курочка наша, советская, и хрен с чесноком... Товарищ лейтенант, а у нас сегодня ужин запланирован? Или до победного прикажете?

Слева за лесополосой гудела дорога. Шли грузовые автомобили. «Деревня Крутиха, – делал мысленные зарубки Глеб. – Дислоцирована, по малым меркам, венгерская рота. А при достаточном воображении – батальон. Точнее бы узнать. Значит, снова отвлекаться и рисковать. До места выполнения задания еще полночи киселя хлебать – задание важное и должно быть выполнено. Но и то, что было здесь, в «водоразделе» – не менее важно, и если проигнорировать, последствия будут плачевными...»

Бледнели краски дня. Солнце ушло за деревья, по округе расплзалась дымчатая полумгла. До полной темноты оставалось часа три.

Телефонный провод висел по поляне, Шубин чуть не споткнулся об него. Махнул рукой: бегите дальше, сам присел на корточки. Разведчики скрылись в кустарнике, залегли, с интересом уставились на командира. Еще один провод! Неужели не дадут перерезать? А в этом, кстати, есть смысл.

Глеб прыжками добрался до своих:

– Осмотреться, товарищи красноармейцы. Направление – на юг. Задержимся здесь ненадолго.

– И правильно, товарищ лейтенант, – заулыбался Дубровский, – все равно отдыхать пора, заодно и совместим, так сказать...

Тропинку через кустарник до ближайшего оврага протоптали за пять минут. Люди рассредоточились, взяв под наблюдение приличный сектор.

Шубин выбрался на опушку, прислушался. Природа потускнела и затихла. Стихли звуки с дороги. Замолчали, почуяв вечер, лесные пичужки, лишь в чаще покрикивали голодные совы, и неугомонный кузнечик на лужайке выводил скрипичные трели.

Глеб вынул нож, потом задумался, убрал и стал пальцами перегибать провод. Делал это, пока под оплеткой не хрустнул металл. Посидел еще немного, задумчиво глядя по сторонам, потом подался к ближайшим кустам.

Разведчики терпеливо ждали. До поврежденного провода было метров двадцать открытого пространства.

– Усну сейчас, – прошептал сержант Климов и клюнул носом.

– Подъем, сержант... – зашипел Чусовой. – Проспишь самое интересное...

Молчали минут десять, наблюдая, как засыпает природа, удлиняются тени от деревьев.

– Эй, математик, – толкнул Карякин в бок Дубровского, – предложи какую-нибудь задачку.

– Могу предложить уравнение с тремя неизвестными, – прошептал Влад. – Тихо, Паша, варезку заткни...

Вправо, за перелески, убегала тропинка. На ней показались трое венгров – в серо-зеленой форме, напоминающей обмундирование вермахта, в стальных касках. Двое медленно шли по тропе, держа наизготовку карабины, смотрели по сторонам. Третий – в стороне, как-то вприсядку, пропускал через пальцы телефонный провод – искал повреждение. Карабин болтался у него за спиной. По левому бедру скребла тяжелая сумка в форме военного ранца. «Связист», – догадался Шубин.

– И что тут неизвестного? – фыркнул Карякин. – Все понятно и даже скучно. Хорошо хоть всю армию с собой не привели.

– Заткнись! – разозлился Глеб.

Солдаты приближались. Двое с карабинами вышли на поляну, стали осматриваться. Пальцы поглаживали спусковые крючки, это было не очень здорово. Хорошенько присмотревшись, они вполне могли бы обнаружить под кустами несколько пар любопытных глаз.

Третий продолжал манипуляции, перебираясь с места на место. Наконец он нашел разрыв! Вскинул голову и что-то бросил своим товарищам, не вставая с корточек. Те еще раз осмотрелись и направились к нему.

Шубин мысленно похвалил себя за то, что не стал резать провод. Связист что-то быстро заговорил, поднял провод, стал показывать. Его спутники нагнулись, разглядывая повреждение, стали обсуждать.

Ситуация была неоднозначная. Провод изначально мог иметь дефект – не факт, что это диверсия. А если диверсия, то – какая-то детская! Солдаты засмеялись. Один загородил другого.

Разведчики нервничали. Венгры разошлись в разные стороны. Один закурил. Другой перехватил карабин левой рукой, достал из кармана носовой платок, стал вытирать вспотевший лоб. Жара к вечеру спала, но он почему-то вспотел. Добрый знак – пальцы уже не поглаживали спусковые крючки!

Связист опустил на колени, перерезал провод, стал зачищать концы. В природе и окружающем пространстве ничего не менялось. Захватчики успокоились, бдительность притупилась. Оставалось только дожидаться удобного момента и...

И он настал! Связист продолжал свою возню. Стрелок кинул окурок в траву, немного подумал и растоптал. Поступок рассмешил товарища, он сказал что-то смешное, видимо, о трудностях борьбы с лесными пожарами. Первый засмеялся. В этот момент они и открылись!

Баттахов и Смертин метнули ножи одновременно. Выбор на эту пару пал не случайно. Оба охотники, прекрасно понимают, что делают. Лезвие пронзило грудь на уровне сердца. Рос-

лый детина всплеснул руками – карабин полетел в кусты по широкой дуге. Падал он, соорудив мину великомученика, раскинул конечности.

У Смертина вышло смазанно – в последний момент дрогнула рука. Лезвие попало ниже, пронзило бок. Солдат осел на колени, захаркал кровью. Потом схватился за рукоятку, торчащую из бока, выдернул нож. Ошибка была грубая, теперь он точно не сможет закричать.

Разведчики в развевающихся масках выскочили из кустов. Смертин исправил ошибку: отобрал у раненого нож, ударил, куда следовало. Связист остолбенел, в глазах замесался ужас. На него набросился Канторович – вечерний страх с крыльями! Связист был немолод – прилично за сорок. Нервный тик перекошил лицо, лоснящееся от пота. Он закашлялся, попытка подняться не удалась, он упал на пятую точку, заерзал ногами, закрывая зачем-то лицо. Крик прозвучал сдавленно. Канторович ударил его носком в подбородок, а когда венгр откинулся на спину, схватил за ворот и врезал по зубам. Потом сам попятился, растерянно озираясь.

– Ребята, не могу – от него такая вонища...

– Сдал анализы, не снимая штанов? – хохотнул подбежавший Паша Карякин. – Вроде немолодой, и за что его на войну забрали?

– Больше не бейте, – спохватился Глеб. – В кусты его. И этих тоже. Сделать все, как было, а нас не было.

Поляну очистили в считанные минуты. Мертвецов совместными усилиями утрамбовали в кустарник, заложили ветками. Пленного привели в сознание. Он прерывисто выдохнул, затрясся, забегали глаза. Хотел что-то сказать, но ком сдавил горло. Ситуация для «победителей» нелепая – ведь русские так себя не ведут, кто дал им право?

– Будете говорить с ним, товарищ лейтенант? – деловито осведомился Климов. – Знаете венгерский?

– Нет, это было бы слишком... Эй, приятель, по-русски понимаешь? – Глеб тряхнул «языка».

Тот облизывал губы, пыхтел, делал уморительные мины.

– А для него знать русский – это слишком, – оскалился Климов. – Зачем? Русских надо уничтожать и завоевывать, нечего говорильней заниматься.

– Помолчи, – поморщился Глеб.

– Не могу молчать, товарищ лейтенант. Спросите что-нибудь по-немецки, вдруг поймет?

По-немецки захваченный связист худо-бедно понимал. Он картаво шамкал, произносил немецкие слова, в целом связно, но искаженно.

– Все понятно. Дайте ему воды. Больше не бить. Забираем с собой и валим как можно дальше. Руки свяжите, а то больно они у него шаловливые...

Остаться в этом квадрате было самоубийством. Группа спешно уходила на юг – через овраг, через очередной густой осинник. Пленника толкали в спину, били по заплетающимся ногам. Несколько раз он порывался что-то сообщить, но попытки пресекали на корню.

От места последней резни ушли метров на шестьсот, но Шубину было мало – он уверенно гнал людей вперед. Еще одна лощина в лесной глуши – там и устроили большой привал.

Пленник стонал, подтянув под себя ноги. Когда его подняли за шиворот и прислонили к откосу, он был бледнее мертвого, дрожали сведенные судорогой пальцы.

– Будем говорить или сразу на тот свет? – строго осведомился Глеб.

Пленник лихорадочно закивал: будем, конечно, будем.

– То есть на тот свет не сразу... – пробормотал отчасти понимающий язык Канторович. И смутился, перехватив обжигающий взгляд командира.

– Имя, фамилия, должность?

– Сандор Ковакс... – слова исторгались с хрипом, – фельдфебель-радист, старший радиотехник... Прервалась телефонная связь с 95-м батальоном, больше никого из связистов не

было, послали меня с двумя солдатами, проверить линию... Я служу во взводе радиотехнической службы 214-го батальона...

– Где дислоцирован батальон? Кто соседи слева и справа? Какие планы у вашего командования? Где немцы? Что означает скопление войск именно в этом районе? Есть приказ выдвигаться на Ярцево?

– Я все расскажу, ничего не скрою... – облизывая губы, бубнил фельдфебель. – Но вы должны пообещать, что сохраните мне жизнь...

– Должны, говоришь? – Глеб задумчиво почесал переносицу. – Ну, раз должны, тогда выбора у нас нет... Давай-ка без условий.

Пленник затараторил, как разогнавшаяся пластинка. Он путал венгерские слова с немецкими, но в целом речь была связная.

Немецкие и венгерские части переправились на левый берег Днепра в незначительном количестве, пользуясь понтонной переправой в Осинниках. Это шесть километров южнее Ярцево. Большое количество войск перейти реку не успело – налетел истребительный отряд каких-то «бродячих» красноармейцев, охрану перебили, под понтоны заложили взрывчатку и подорвали. Прибывшее ремонтное подразделение попало в западню и тоже погибло.

Бой продолжался несколько часов, красноармейцы отошли. Но восстановить переправу немцы не смогли – не нашли понтонов. Починить старые было невозможно – несколько раз пытались, но попадали под обстрел.

От переправы в районе Осинников решили отказаться – дальнейшее решение зрело в штабах. На левом берегу Днепра, между Осинниками и Ярцево, находились четыре немецких пехотных батальона и два венгерских. Стояли в селах Пряничное и Луговое, а также в нескольких окрестных деревнях. Имелись артиллерийские дивизионы – разобщенные и плохо подготовленные к бою. Танков практически не было. В ближайшие два-три дня никакого наступления на Ярцево не предвиделось. Во всяком случае – с юга. Ходили слухи, что скоро в район подойдет крупная танковая часть – не меньше тридцати машин, но это были только слухи. Откуда она могла подойти? С севера – из района Духовщины? С юга – со стороны захваченного немцами Починка?

Фельдфебель Ковакс подобными сведениями не располагал. И Шубин охотно ему верил. Не того полета птица. Но хоть что-то знает связист – в отличие от абсолютно не осведомленных солдат. Значит, часть войск с южного направления можно снимать, усилить северное и западное направления...

Венгр выдохся. Он больше ничего не знал. Стоял на коленях, прижавшись к откосу, хлюпал носом. «Вы обещали сохранить мне жизнь!» – умоляли его глаза.

Любые позывы к милосердию Шубин отвергал. Насмотрелся за последний месяц: на трупы расстрелянных красноармейцев, на то, как гибли под бомбежками мирные жители. Как немецкий танк на его глазах переехал целую семью, бегущую из горящей избы. Во-первых, господин хороший, мы вам ничего не обещали...

Лейтенант украдкой кивнул Чусовому – тот уже терся в нетерпении. Для парня моральных ограничений в отношении врага не существовало. Нож по рукоятку вошел в печень. Фельдфебель беззвучно распахнул рот и повалился лицом в грязь, пару раз дернулся и успокоился.

– Канторович, Смертин, оттащите его. Отдых пятнадцать минут. Ершов, разворачивай шарманку, отправим сообщение в полк. Да вытащи эту дуру наверх, – кивнул он на гребень оврага, – а то не поймает ни черта...

С отправкой радиогаммы радист справился за семь минут. Бил по ключу, высунув от усердия язык. Все, что выложил ныне покойный Сандор Ковакс, выстроилось в вереницу точек и тире. Хотелось надеяться, что сведения полезные и будут использованы с толком.

«Движемся к месту выполнения основного задания», – значилось в конце послания. Пришел ответ: «Все поняли, удачи». Ершов упаковал рацию, взвалил на плечо и спустился вниз.

– Ты прямо олимпийский атлет, Коляша, – открыв один глаз, похвалил Дубровский. – Сила ты наша немереная...

– Да иди ты, – проворчал Ершов, пристроил на землю рацию и сел, обхватив колени, провалился в какую-то созерцательную задумчивость. Созерцал он ноги венгерского фельдфебеля, торчащие из-за валуна.

– Умные мысли напали, Коляша? – поддел Дубровский.

– Не на того напали, – хмыкнул Баттахов. Дубровский лениво хохотнул.

– Да идите вы, сказал же, – разозлился Ершов, хотел добавить что-то забористое, покоисился на командира и не стал.

Особым тугодумием красноармеец Ершов не отличался – в острых ситуациях не пасовал, действовал быстро и правильно. Но иногда впадал в прострацию, а возвращаясь в реальность, удивленно вертел головой, словно не мог вспомнить, где находится и кто все эти люди. В первые дни войны Ершов получил контузию, но поля боя не покинул и в дальнейшем отказался от помощи полевой медицины. В школе увлекался радиodelом, невзирая на рост и комплекцию, был призван в армию осенью 1940-го. К желанию, как ни странно, прислушались и отправили служить в связисты. Но 22 июня все перепуталось, рода войск слились в одну отчаянно сопротивляющуюся массу.

Большинство из взвода погибло. Ершов, по свидетельству очевидцев, лично поднял остатки подразделения в контратаку и вдохновлял бойцов примером: двум немцам проломил головы саперной лопаткой.

Свое «орудие смерти», пробитое пулей, Николай сохранил и повсюду таскал с собой в качестве талисмана, называя его ласково: «моя незабудка».

Шубин отстраненно наблюдал за своими бойцами. Те решили перекусить на скорую руку. Рацион состоял из ржаного хлеба, консервированной овсяной каши и ключевой воды. Самый отменный аппетит был у Пашки Карякина из Чебоксар – его не портили ни бомбежки, ни трупы вражеских солдат. Он собрал хлебным мякишем остатки каши, блаженно закатывая глаза. Потом откинулся, закурил, для порядка прокашлявшись. Курево из карманов мертвых венгров не отличалось мягкостью.

– Неужели и командиры такое курят? – размышлял вслух Карякин. – Не могу поверить: белая кость, голубая кровь, все такие из себя арийцы – и курят это прелое сено? Сдается мне, табачок у их комсостава особый... Товарищ лейтенант, почему нам мертвые офицеры не попадают?

– Убей – проверим, – хохотнул Смертин и быстро глянул на командира, – но сначала допросим, конечно...

Боец с невзрачной внешностью был родом из Иркутской области. После школы окончил техникум лесного хозяйства, какое-то время жил в городе, потом переехал в глухую деревню. Исходил все тропы своего заповедника, гонял браконьеров. Даже женился – хотя данная страница биографии находилась под «покровом Изида», – как однажды сумничал Дубровский, но расшифровать выражение не удосужился. О личной жизни Смертин говорил неохотно, недомолвками, словно прятал кого-то в своем глухом медвежьем углу. В армию пошел в начале 1940-го, едва не дослужился до сержанта – но война безжалостно поломала планы...

Сержант Алексей Климов был, пожалуй, самым рассудительным из всей компании. Оттого и сержант – опора и надежда командира подразделения. Сам из-под Пскова, работал на ремонтно-механическом заводе, был сознательным комсомольцем, кандидатом в члены ВКП(б). Службу проходил в погранотряде на западных рубежах, был отличником боевой и политической подготовки. Получил звание младшего сержанта, а к дембелю подарок – целого сержанта. Демобилизовался буквально за месяц до начала войны. Маленький глоток гражданской жизни – и бегом в военкомат, обгоняя повестки и приказы о мобилизации. Потом – безум-

ный ад Западного фронта, бывшего до войны Особым Западным округом, дважды выходил из окружения, принимал активное участие в боях, не получив при этом ни царапины...

О своей жизни 27-летний лейтенант предпочитал не вспоминать. Но память прорывалась яркими вспышками, порой ввергала в глухую тоску. Девушка, которую он любил, скончалась в 24 года от тяжелой сердечной болезни, не выдержав потери родителей. Отца, доцента кафедры металловедения Ленинградского университета, репрессировали в 1937-м за подготовку антисоветского мятежа, умер в тюрьме. Мать отправили в колымские лагеря – 10 лет без права переписки, что означало неминуемую смерть. Так и вышло – через год пришло сухое письмо из Главного управления лагерей: Анна Ивановна Сурикова скончалась от туберкулеза, похоронена в братской могиле на кладбище исправительного учреждения...

Алена слегла через месяц, чахла на глазах, превращалась в травинку. Он все еще помнил ее губы и руки – иногда просыпался в диком волнении: жива Алена! Ведь только что обнимала его и целовала, еще не остыл поцелуй на губах, еще сохранилось тепло на щеке от ее маленькой ладошки! Эти приступы безумия преследовали Глеба постоянно. Тогда еще молодой выпускник технического вуза, он сам похоронил отца, много лет проработавшего в учетно-статистическом отделе НКВД. В ведомстве шли аресты, а отец умирал в больнице в 49 лет от тяжелой формы рака... Мать скончалась в 1924 году, когда Глеб еще не вырос из коротких штанишек. Неизлечимые недуги преследовали семью, сгорали очень быстро – а ведь только три месяца назад приехали в Новосибирск (тогда еще Ново-Николаевск), где отец получил должность в недрах тамошнего ГПУ, дали квартиру в построенном на века каменном доме на Николаевском проспекте...

Картинки из детства сменялись не столь отдаленной современностью. Резкий разворот в профессиональной деятельности, закрытая квартира в Новосибирске, общежитие комсостава в Ленинграде, гарнизонная и караульная служба, встреча с девушкой на Невском проспекте, подарившая множество приятных минут и большую незаживающую рану...

В бою под Черной Церковью погибла почти вся рота 239-го полка. Немцы упорно атаковали. Собственная жизнь не имела значения, о смерти даже не думалось. Держаться надо, какая там смерть?

Полковник Самойлов был грамотным командиром, храбрым и отчаянным, но в данной ситуации просто не хватило ресурсов. Все, что смогли найти, – батарея зениток. Выставили их на прямую наводку и били по танкам, ползущим из леса. Резервный батальон попал в засаду, отбивался где-то севернее. На штаб полка свалились парашютисты – комсостав и штабной взвод вступили в бой. Единственная рота в ополовиненном составе подошла к Черной Церкви и без передышки кинулась в контратаку. Положение складывалось критическое. Немцы вот-вот могли прорваться. Это стало бы катастрофой для дивизии, не успевшей развернуть свои порядки.

Контрудар мехкорпуса во фланг вклинившейся танковой группы, как обычно, результата не принес – старые советские танки горели, как копны сена. Во взводе Шубина осталось девять человек. Последнюю атаку худо-бедно отбили, немцы отошли. Из юго-западного леса работала минометная батарея, в тех же краях расположился немецкий пулеметный взвод. С той стороны немцы и наносился нашим колоссальный урон.

Дождаться следующей атаки (она бы точно стала последней) Шубин не стал. Отобрал семерых бойцов с гранатами, поползли по дуге в немецкий тыл. Пробежали по лесу, трое забросали гранатами минометную батарею. Немцы и пикнуть не успели, не ожидали такого поворота! Остальные напали с тыла на пулеметчиков, перестреляли всех до единого из трофейных «МР-40». Потом развернули пулеметы, обладающие убийственной поражающей силой, и ударили с фланга по готовящейся к атаке пехоте, косили фрицев десятками. Вели огонь, пока не кончились патроны.

Сумятица в расположении врага выдалась знатная. Потрепанные роты контратаковали дружно, валом. Последними противотанковыми гранатами подбили оставшиеся танки, немцев кромсали штыками, ножами, саперными лопатками. Захватчики бежали, побросав оружие. Полк, а вместе с ним и дивизия получили необходимые пять часов, чтобы развернуться на новом рубеже. Все оставшиеся защитники Черной Церкви, несколько десятков человек, отошли в тыл.

Глеб получил личную благодарность от комполка. «С меня правительственная награда, лейтенант, – пообещал Самойлов. – Представлю непременно. Но позже, извини, не до этого сейчас». Глеб отшутился: «Хорошо, товарищ полковник, не горит».

В тот же день замнаштаба по разведке капитан Мезенцев предложил Шубину возглавить взвод полковой разведки. «Получишь то, чего нет, лейтенант. Старлей Некрасов погиб, во взводе остались четверо, и те доходяги. Походи по ротам, подбери людей, да время не тани – вы мне нужны уже завтра».

Пришла пора задуматься: почему он остался жив? Потери личного состава доходили до 90 процентов, молодые лейтенанты гибли практически все. «Ты не такой, как все, – сделал вывод Мезенцев, внимательно глядя на Глеба, – умеешь думать, взвешивать и принимать правильные решения». Глупость, он был такой же, как все!

Несколько раз подобранные впопыхах разведчики кочевали по ближнему немецкому тылу, совмещали разведывательную работу с диверсионной. Под Минском взорвали склад с боеприпасами – картинка была, как в день гибели Помпеи! Жирное пламя устремилось ввысь, озарило местность на многие километры, а разведчики выплясывали на поляне «казачок» и грозили кулаками черному небу...

В первых числах июля после выполнения задания группа попала в засаду, погибли почти все. Выжили Шубин, Смертин (видно, фамилия была талисманом), трое получили ранения. Под огнем вытаскивали товарищей, а потом Глеб выколачивал пыль из лейтенанта Забелина, не обеспечившего отход разведгруппы. Он кипел от бешенства, горел от стыда, что остался жив. Давно пора умереть, почему не берет его старуха с косой?

Снова набрал людей – и они погибли, когда задание совпало с атакой противника. Разведчики угодили в клещи, сопротивлялись до последнего, четверо пробившись к своим через болота, попутно расстреляли штабную машину и прихватили папку с ценными документами. В трясине потеряли красноармейца – не уследили, а у того мозгов не хватило не лезть на «поляну», заросшую пушистой травой, оказавшейся рясой...

Гонки со смертью превращались в увлекательное занятие. Чем дольше Шубин оставался живым, тем выше делалась вероятность, что его убьют в первом же бою! То есть шансов вообще никаких! Но с каждого задания он возвращался невредимым, при этом его люди тащили на себе погибших или раненых.

Последнее подкрепление прибыло в полк 10 июля. Какая-то сборная солянка – кто откуда. Были безусые новобранцы, были красноармейцы, пробившиеся из окружения.

Шубин прохаживался вдоль шеренги под присмотром капитана Мезенцева, всматривался в лица солдат. Новобранцев отметал сразу, к остальным присматривался. «Кто хочет служить в разведке? Шаг вперед!» Как же, привилегированное сословие! И невдомек, на какую каторгу подписываются! Больше половины сделали шаг, а кто-то и два. Одни отводили глаза, другие, наоборот, смотрели с надеждой. «Дубровский, кратко о себе!» «Он не может кратко, товарищ лейтенант, – хихикнул стоящий рядом Канторович. – О себе говорит часами». Чувство юмора приветствовалось – замшелых бирюков в своем подчинении Шубин не любил. Но все в меру. Кто-то из отобранных бойцов удачно пошутил: «После трехгодичного испытательного срока мы станем настоящими разведчиками».

Полк отступал к Ярцево, цепляясь за каждый клочок земли. Батарея новейших тяжелых орудий «ПАК-38» сильно мешала поредевшему танковому батальону закрепиться на окраине

села Лыдинка. Группа разведчиков пробралась в тыл, сообщила координаты батареи, а потом улепетывала, чтобы не угодить под огонь собственных дивизионов.

Еще одно задание – навести артиллерию на штаб пехотного батальона. И это получилось. Продвижение врага застопорилось почти на сутки. Двое суток позиционных боев – и немцы застряли, стали окапываться. На пару дней установилось хрупкое затишье.

Разведчики наблюдали за передовой линией противника. Смертин и Баттахов ползали по переднему краю со снайперскими винтовками, вели дуэль с немецкими снайперами. Те лежали в своих замаскированных гнездах – обученные, выдержанные, невозмутимые – и отстреливали красноармейцев.

Одного такого немца Баттахов снял после длительного наблюдения. Отметил солнечный блик в ворохе листвы, а потом срисовал и самого стрелка, одетого под цвет дерева. Снайпер падал красиво – взволновал всю окрестную растительность, распугал стаю птиц...

На следующий день из штаба дивизии пришел приказ: провести разведку боем у деревни Крюковка с целью выявления огневых точек противника. Войска готовились к удару – отгеснить противника на десять километров, чтобы соединиться с остатками 108-й стрелковой дивизии, пытающейся пробиться из окружения.

Разведка боем обходилась высокой ценой и зачастую поставленных целей не достигала. Красноармейцы называли ее «разведкой смертью». Под покровом темноты стрелковая рота бросилась в атаку на позиции противника. Артиллерия для прикрытия отсутствовала, вела огонь лишь одна минометная батарея. Пробежав половину пути, красноармейцы залегли, разделились на «пластунские» группы.

Противник хранил молчание, и лишь когда до атакующих оставалось сто метров, пустил в воздух световые ракеты и открыл пулеметный огонь. Сомнительно, что немцы рассекретили все свои огневые точки. Больших усилий отбить атаку им не требовалось. Мины, падающие вразброс, немцам почти не вредили.

Разведчики Шубина, лежа в канавах, засекали пулеметные гнезда и минометные позиции. Часть группы выдвинулась вперед – бойцы подползли к переднему краю. Отчетливо доносилась немецкая речь. Шубин находился вместе со всеми. Красноармеец Никитенко предложил забраться в расположение противника, добыть «языка», пока рота отвлекает основные силы, и за собственную неосторожность поплатился жизнью.

Разведка отошла под бешеным огнем. Опять потери – трое убитых, двое раненых. Немецкая минометная батарея успешно пристрелялась – и у стрелковой роты на ромашковом поле возникли трудности. Отход напоминал бегство – лишь бы убраться из этого бушующего ада. Рота потеряла только убитыми тридцать человек, но начальство осталось довольно – выявили основные огневые точки.

Через час их накрыла батарея 45-мм орудий, но приказа о начале наступления так и не последовало. Позднее выяснилось, что смысла в нем уже не было: стрелковую дивизию, с которой предполагалось соединение, немцы рассекли танковыми колоннами и добивали в локальных котлах.

Разрозненность соединений РККА стала, пожалуй, главной причиной летних поражений. От девяти тысяч штыков в дивизии осталось две, – и те, кто выжил, попрятались по лесам. А в части полковника Самойлова люди ломали головы: ради какой высокой цели погибли тридцать человек? Возможно, существует нечто такое, о чем простым смертным неизвестно?

Гролом небесным стало сообщение о захвате противником Соловьевской переправы! О ее значении знали даже рядовые красноармейцы.

Парашютно-десантный батальон СС отгеснил уставших бойцов полковника Лизюкова и оседлал переправу. «Смоленский котел» оказался запертым, в нем остались гражданские и большое количество войск, неспособных что-то предпринять. От Лизюкова приходили доклады: отбить объект не можем, мало людей. Основные силы немцы к переправе пока не

стянули – тоже испытывали сложности. Но обязательно подтянут через день-два. Нужно что-то предпринять, пока еще остался слабый шанс...

– Входи, лейтенант, располагайся, – в блиндаже капитана Мезенцева горела керосиновая лампа. Сам капитан был бледен, под глазами чернели круги. – Смотри на карту. Вот это Ярцево, вот это мы. Вот это – Соловьевская переправа, до нее шестнадцать верст. Между ними – три деревни, лесистая местность с энным количеством дорог. Часть войск противника сюда просочилась, но мы не знаем, где они и чего ждут. Переправу надо отбить – иначе на всей войне можно ставить крест. Шила в мешке не утаишь, гибель в котле двух армий станет ударом, от которого страна не оправится. Ты же понимаешь политическое значение момента? Через месяц мы просто потеряем Москву. Говорю как есть, без всякой пропаганды.

– Я понимаю, товарищ капитан.

– Тогда отнесись ответственно. Смотри сюда, – карандаш очертил колечко вокруг переправы. – Немцы укрепляют позиции в районе Соловьево – роют траншеи, возводят временные огневые точки. Это парашютно-десантный батальон СС – бьются как звери и будут стоять до последнего. На левый берег Днепра немцы просачиваются, но не массово – сами по ошибке повредили мост, он нуждается в ремонте, а снайперы Лизюкова не дают им подобраться к поврежденным конструкциям. Наши окруженные войска от переправы отеснены, рассеяны по лесам, им поставлен плотный артиллерийский заслон. Вот здесь, – карандаш обвел участок западнее переправы, – можно считать, вакуум. Немцы артиллерией отгоняют наших, наши отгоняют немцев. Твоя задача – скрытно пройти вот здесь, лесами и полями, выявить участки, где дислоцирован противник. Нужна дорога, понимаешь, по которой наши штурмовые отряды ночным марш-броском выдвинутся к переправе. Желательно скрытно, чтобы немцы не успели заметить.

– Вы имеете в виду Соловьевскую переправу? – дрогнуло сердце.

– Боже упаси, лейтенант... – Мезенцев закашлялся. – Штурмовать Соловьевскую переправу нет возможности – ни с запада, ни с востока. Есть переправа в районе Лужино, вот здесь, в пяти километрах южнее. Но там открытая местность и мост разрушен. Нас интересует деревня Ратниково, вот она – от Соловьевской переправы две версты на север. Здесь раньше был мост, что сейчас – мы просто не знаем. Он мог уцелеть, но на проход тяжелой техники не рассчитан. Переправа была местного значения – связывала несколько сел. К дороге от Смоленска на Москву она отношения не имела. Полагаю, эти дороги даже не связываются. В том месте много отмелей, но есть фарватер. И очень выгодно, что западная сторона – открытая, а с востока к переправе примыкают леса. Деревня Ратниково – прямо у моста на немецкой стороне. Там несколько дворов, небольшая пристань. Раньше по реке курсировал прогулочный теплоход, делал остановку – уж больно места красивые. Есть ли от нас дорога на Ратниково, мы не знаем – на карте она отсутствует. Придется тебе идти до Соловьево, а от него – вдоль реки на север. Потеряете час, не страшно. Контактируйте с местными жителями, они знают тропы. Да смотрите, чтобы немцам вас не сдали, а то знаем мы этих местных жителей... – Мезенцев смущенно кашлянул. – Усвоил задачу, лейтенант? Подбери людей, человек семь-восемь, не забудьте сдать старшине документы, письма, фотографии... Впрочем, ты и сам это знаешь. Выступаете в полдень, чтобы к ночи быть на Днепре. Взять с собой радию и беречь ее как зеницу ока. Обследовать район переправы в районе Ратниково, определить дорогу, по которой к ней подойдут штурмовые отряды. К часу ночи – доклад в полк. Радист будет дежурить постоянно. Закрепиться на плацдарме мы должны не позднее рассвета. Потом – бросок с севера на Соловьево небольшими ударными группами. А там и Лизюков подтянется со своими доходягами. Главная задача – освободить и удержать объект в Соловьево. Наш полк в бою за Днепр участвовать не будет, останется в качестве резерва. Выполнив задачу, возвращайтесь

в часть. Возникнут непредвиденные обстоятельства – принимайте решение по обстановке. Но прежде всего – доклад!

Глава третья

Уже смеркалось, когда на пути возник разрушенный аэродром. Взлетно-посадочная полоса представляла собой распаханное поле, всюду зияли котлованы.

На краю аэродрома ютились постройки, выделялись силуэты нескольких бипланов. Немцы их даже уничтожить не стали. Советские власти сами все сделали. Совершенно не важно, способны ли эти самолеты подняться в воздух. Вертикальный взлет пока не придумали. Командование само загнало собственную авиацию в тупик. Самолетам негде было разогнаться, чтобы взлететь.

Количество пригодных к использованию аэродромов к лету 1941-го катастрофически сократилось. Прошедшей зимой в московских «верхах» было принято решение построить на ряде аэродромов приграничных округов бетонные полосы. Для мирного времени в этом был смысл: в межсезонье грунтовые аэродромы раскисали, и нормальное обучение пилотов становилось проблемным.

В условиях надвигающейся войны подобные решения были форменным вредительством! Только в Киевском Особом округе 45 полей из 63 превратились в котлованы. Работы шли ни шатко ни валко, никто не думал, что аэродромы понадобятся срочно. Это казалось невероятным...

На поле царило запустение. С другой стороны, вблизи леса, мелькали огоньки, сновали тени, работал дизельный генератор. Лезть на рожон определенно не стоило.

Двинулись вдоль опушки. Аэродромное поле осталось сзади. Разведчики залегли в заросших травой канавах, стали всматриваться в темнеющий воздух.

Пространство насыщала немецкая речь, бряканье посуды. На опушке выделялись неподвижные силуэты бронетранспортеров. Там вспыхивали фонари, сновали фигуры механиков. То и дело заводились двигатели, тарахтели на холостом ходу. Из отдельных реплик можно было понять, что техника нуждается в ремонте. На краю аэродрома стояло небольшое моторизованное подразделение. Как-то не похоже было, что оно готовится к наступательным действиям.

Группа отступила в лес. Ершов по приказу Шубина развернул рацию, и в эфир ушло очередное сообщение о дислокации немецких частей. В свете фонаря Глеб делал пометки на карте. Немецкие и венгерские подразделения располагались в шахматном порядке, и просочиться между ними труда не составляло. В глубь лесистой местности немцы не совались.

Темп движения снизился. Люди тяжело дышали. С наступлением темноты идти по лесу стало невозможно. Приходилось выбирать на открытые участки, преодолевать их бегом.

Деревня Теплый Ключ, отмеченная на карте, возникла в поле зрения в начале двенадцатого. Темнота уже сгустилась, начиналась ночь. Группа осталась в низине, Глеб в одиночку вскарабкался на косогор, достал бинокль.

К ночи ароматы луговых трав потеряли остроту и уже не щекотали нос. Деревня лежала метрах в двухстах, в покато́й низине. За ней возвышалась стена леса. Теплый Ключ был небольшим селением, но в нем когда-то работала животноводческая ферма – ее приземистые строения смотрели на мир пустыми глазницами окон. Покосилась деревянная силосная башня с островерхой крышей. Ферма находилась на северной окраине деревни. Как грибы, торчали из земли ветхие избы. Гулял волной плетень. Растительность во дворах не отличалась густотой. Электричество отсутствовало, но в отдельных окнах что-то рябило – свечи, керосинки или по старинке – лучины. Стояла тишина, не мычал скот, не брехали собаки. Вряд ли там были немцы. Они не могут вести себя тихо – нация шумная, хотя и приученная к порядку. Да и выставлять засаду им вроде не на кого.

Шубин сполз за косогор, снова развернул карту, вооружился фонарем. Глаза устали, приходилось постоянно моргать, избавляясь от въевшейся мути. Он отыскал Теплый Ключ, уперся

в него пальцем, чтобы больше не потерять. Западный лес на карте значился – зеленая полоса шириной в два километра. Далее – Днепр, и на той же широте – Ратниково. Никаких дорог между населенными пунктами, но это не значило, что их нет. Топографические карты страдали погрешностями, многие объекты и коммуникации на них попросту не отражались.

Соблазн одним рывком добраться до Ратниково был велик. Двадцать минут по лесу, и они на месте. Но где тут эта чертова дорога? Логика подсказывала, что она должна быть. Пусть не та, что ведет от моста (последняя на карте обозначалась и убегала вдоль Днепра на север), но что-то ведь должно связывать два соседствующих населенных пункта? В противном случае перспектива невеселая: два километра на юг до дороги, выход к Соловьевской переправе, где делать совершенно нечего, и снова две версты на север...

Он тихим свистом подозвал бойцов.

– Климов, води ребят в обход деревни с южной стороны. Закрепиться на опушке, ждать. Чусовой, Дубровский – за мной...

Группа разделилась. Основная часть скрылась за косогором. Остальные двинулись по прямой. Остаток пути до плетня пришлось ползти. С восточной стороны грудились сараи, вздымался бурьян. В высокой траве валялся мусор. Поднимать шум и ломать ноги в планы разведчиков не входило – пришлось огибать деревню с юга.

Между лесом и вереницей избушек тянулась проселочная дорога. Фасады жилищ были обращены в эту сторону. К большому огорчению, в лес дорога не сворачивала – шла вдоль опушки. Вполне вероятно, что она смыкалась с трассой от Соловьевской переправы.

– Товарищ лейтенант, не стоит будить лихо, – прошептал благоразумный Дубровский. – Нет тут никакой дороги. Пробежимся шесть километров, привыкать, что ли?

– Можем не успеть, – Шубин глянул на часы. – К тому же местность, по которой ты предлагаешь «пробежаться», занята немцами.

Интуиция в этот час отдыхала. Лейтенант испытывал мучительные колебания. Разведчики крались вдоль палисадников. Деревня помалкивала. Избушки в основном дощатые, занопаченные соломой, ограды – с дырами. У забора громоздилась груда осиновых поленьев. Одинокое развесистое дерево возвышалось между лесом и дорогой. Из растрепанной ветром скирды торчали вилы. К избам прижимались утлые сараи, грядки кое-где были возделаны. В первых двух домах жизнь отсутствовала, а может быть, сельчане уже спали. Протяжно завывала собака на задворках – вой оборвался. Осталась еще живность в русском селении...

– Подсолнухи незрелые, – посетовал за спиной Чусовой, – а то бы нарежали, скоротали бы дорожку...

Подсолнухов было море – целые заросли. С покосившихся электрических столбов свисали провода – значит, план ГОЭЛРО воплощался и здесь.

В третьей по счету избе были заколочены окна и двери, бурьян достигал человеческого роста. Следующая изба выглядела сносно: добротная, в отличие от соседских, с крепкой крышей. Палисадник был вычищен от мусора и сорняков. Из свинарника в глубине огорода доносилось глухое похрюкивание.

Внезапно Шубин остановился и замер. Встали и остальные разведчики. Донесся отдаленный гул. Шла машина, а возможно, целая колонна. Откуда доносился шум, определить было трудно. Звуки отражались от леса, распадалась, создавалось ощущение, что гудит везде. Это могла быть дорога в районе Соловьевской переправы. Гул затих примерно через минуту. Глеб еще какое-то время напряженно вслушивался.

– Ложная тревога, товарищ лейтенант, – прошептал Чусовой. – Зайдем в хатку? Она вроде ничего, упитанная, свет горит. И скотина в хозяйстве присутствует, немцы не забрали...

– Мы-то зайдем, – усмехнулся Шубин, – вот только тебе, Виктор, снаружи постоять придется. Замри вон у калитки.

– Да не очень-то и хотелось, – обиженно фыркнул Чусовой. – Чего я там не видал в этой хате? Есть все равно не будете, самогонку потреблять – тоже...

– А вдруг? – задумался Дубровский. – Да ты не бойся, Витя, мы, если что, про тебя не забудем.

В принципе, Чусовой оказался недалек от истины. Бойцы пробрались через дыру в ограде, на цыпочках подкрались к крыльцу. Без шума не удалось – прошуршали камешки под ногами.

Дернулась занавеска на окне, пробежала тень по выцветшей материи. Шубин беззвучно ругнулся – и на старуху бывает проруха! Мглистый свет озарил двор. Он бегло огляделся. Напротив крыльца – крепкий сарай, примыкающий к соседскому участку. К сараю приставлена деревянная лестница. Дальние окрестности огорода поглощала тьма...

Шубин поднялся на скрипучее крыльцо, стукнул в дверь. В доме что-то скрипнуло, завопили люди. Охнула женщина. На нее шикнул мужчина. Словно прятали что-то. Недоеденный ужин?

На всякий случай Глеб отодвинулся за косяк – хотя пуля через дверь в подобной ситуации стала бы верхом безумия.

Скрипнула половица.

– Кого там черт принес? – хрипло проворчал мужик. – Не иначе соседка? Какого хрена не спишь?

– Свои, открывайте. Все объясним.

Некоторое время за дверью было молчание. Потом раздался мучительный вздох, брякнула щеколда, и дверь приоткрылась. Мужчина в безрукавке из жиденького меха был невысок, плотно сбит. Он держал коптящую свечу. Плясали тени по настороженному лицу, по лысине, обрамленной тонкими волосами.

– Добрый вечер, – поздоровался Шубин, – войти позволите?

– Вы кто?

– Свои мы, – повторил Глеб, – свои, дядечка...

Мужик смиренно кивнул, отвернулся и побрел в хату, держа перед собой свечу. Он припал на левую ногу – можно было и не спрашивать, почему товарищ не в армии.

В чистой комнате горела масляная лампа. Пламя колебалось, по стенам струились тени. За столом сидела прямая, как лопата, женщина с распущенными волосами. Она взволнованно вздрагивала, бегали глаза. В углу на лавке примостилась девочка лет шестнадцати в мешковатом одеянии – вся в маму. Она держала руки на коленях и жалобно моргала. Задрожала, когда Дубровский шагнул к ней, прижала руки к груди.

– Спокойно, Маша, я Дубровский, – разведчик заговорщицки подмигнул. Глеб раздраженно поморщился.

– Я не Маша... – тонким голосом протянула девчушка.

– Так и я не Дубровский, – засмеялся Дубровский.

– Не обращайтесь внимания, граждане, – произнес Шубин. – Я правильно понимаю, вы местные?

– А вы... кто? – поколебавшись, спросила женщина.

– Свои, повторяю в третий раз.

– Свои – они разные бывают, – резонно заметил хозяин. Он застыл посреди комнаты в странной позе, словно собирался отдать пионерское приветствие.

– Мы похожи на немцев? – Шубин сдвинул на затылок капюшон. Блеснула звездочка на пилотке.

– Так если и не немец... мало ли кто ты такой... – промямлил мужик и отвернулся. – Всякие тут ходят, поди пойми...

– Все, хватит ломать комедию, – строго сказал Шубин. – Бдительность – это похвально, но надо и меру знать. Красная Армия, просим любить и жаловать.

– Родные вы наши... – выдохнула некрасивая женщина и так сморщилась, что сделалась совершенно непривлекательной. – А мы-то гадаем, кто такие...

Робко улыбнулась и «неМаша» на скамейке. Хозяин семейства на минуту задумался и решил вымучить холодную улыбку.

– Силантий Лукьянович я, товарищи. Парамонов моя фамилия. Живем тут, в Теплом Ключе... Раньше на скотоводческой ферме работали, в колхозе «Верный путь», а сейчас вроде и не работаем нигде, – выживаем, на огороде брюкву с морковкой выращиваем... Немцы нас не тронули, не нужны мы им. Я инвалид еще с Халхин-Гола, осколок застрял, нога не сгибается... Это супруга моя Тамара Фоминична, это доченька Лиза...

– То есть немцы вас не трогают... И даже свинью не забрали – удивительно.

Жалобно мяукая, подошла тощая кошка, потерлась о ногу, подняла голову и галопом умчалась в сени. Не понравились ей гости.

– Свинья, говорите? – хрипло засмеялся хозяин. – А вы видели эту свинью-то? Кожа да кости, а откармливать нечем...

– Ладно, граждане, все в порядке. В доме есть кто-нибудь еще?

– Да откуда же? – развел руками хозяин. – Все семейство здесь... Вам поесть собрать, товарищи?

Что-то не нравилось лейтенанту в этом субъекте. Вроде мужик как мужик, не больно привечающий ночных гостей, – а кто их, собственно, привечает? Он то бледнел, то покрывался бурой краской. Взгляд метался по углам, потом утыкался в ноги. Возможно, в этом и не было ничего зазорного, душа русского крестьянина – глухие потемки. Но что-то настораживало. «А правильно ли мы зашли?» – закралась странная мысль.

– Еды не надо, спасибо. Немцы часто приезжают?

– Часто, – кивнул Парамонов. – Они уже третий день как тут и раз пять уже приезжали. На грузовых машинах, важные такие, с автоматами. По деревне ходят, огороды топчут, у людей запасы отбирают... У нас второго дня картошку прошлогоднюю из подпола выгребли, всех курей забрали. На свинью таращились и ржали, пристрелить хотели...

– Теплый Ключ соединяется дорогой с Ратниково?

– С Ратниково? – Силантий Лукьянович задумчиво поскреб затылок. – Ну да, какая-то дорога есть... Только по ней автомобильный транспорт не больно-то пройдет. Там все чертополохом да бурьяном поросло. Если пешком, то можно, а на машинах всегда в объезд ездили – через Соловьево. Только это мало кому нужно было – Ратниково-то деревушка маленькая, там даже мост хреновый. На моей памяти он несколько раз обваливался...

– Не важно. Где дорога?

– Так это... там, – хозяин неопределенно махнул рукой. – Если на север пойдете, вдоль деревни, так напротив силосной башни свороток и будет. Основная дорога в село Сплавное – там немцев полно, а свороток, значит, – к Днепру... А вам зачем туда, товарищи?

– Не твоего ума дело, Силантий Лукьянович. Гуляем мы. На Днепре, говорят, воздух больно хорош.

– Это да, – согласился хозяин, – на Днепре по-всякому лучше, чем здесь...

Затопали сапоги, хлопнула дверь. Охнула почтенная Тамара Фоминична, схватилась за сердце. В комнату влетел возбужденный Чусовой.

– Товарищ лейтенант, грузовик в деревню въезжает... Мы его, видать, и слышали – он просто в низину тогда спустился...

– Силантий Лукьянович, что за дела? – скрипнул зубами Шубин.

– Так а я-то что? – начал бледнеть хозяин. – Это не мой грузовик. Немцы и по темноте могут, вчера вон ночью приезжали, наших мужиков выстраивали...

Вот же дьявол! Рев мотора уже рядом. Отблески света плясали по занавескам.

Разведчики, не сговариваясь, кинулись из комнаты, пролетели сени, заваленные хозяйственным хламом, выскочили на крыльцо. Справа за штaketником работал двигатель. Сноп света освещал дорогу. Машина тормозила. Притянули неприятность! Давно не попадали в засаду! Но почему именно сюда? Машина определенно ехала к дому Парамонова.

– Туда! – Шубин указал на сараюшку, до которой было метров восемь. Бросился первым, взлетел по приставленной лестнице. Как же удачно она тут оказалась... Лестница заскрипела, заходила ходуном, ударилась о край крыши. Кровлю Силантий действительно перестилал, и сама конструкция была добротной, выдерживала человеческий вес. Хозяйственный мужик попался.

Еще мгновение, и Глеб скатился с конька на противоположную сторону. Удержаться невозможно и схватиться не за что – оставалось сгруппироваться в полете... Ухнул в заросли крапивы, сморщился от резкой боли. Метелки растений хлестнули по лицу, больно обожгли руки.

Лейтенант выбрался из зарослей на четвереньках. Следом скатился Дубровский, ахнул, что это вовсе не подсолнухи! Но тоже стерпел. Третьим свалился Чусовой, выронил «ППШ», глухо выругался, но тут же подобрал.

– Товарищ лейтенант, это двухтонный грузовик, как раз у дома Парамонова остановился... Там много людей, солдаты... Ну что за невезуха, мать ее...

Участок, на который они приземлились, был бесхозный. Тявкала разбуженная псина – но это дальше. Сарай служил непроницаемым барьером. Шубин подкрался к забору, примостился на корточки, стал вытаскивать прибитые гвоздями штaketины. Подчиненные возбужденно дышали ему в затылок. У ограды густо рос бурьян. На обратной стороне, выходящей на дорогу, он даже кустился. Трухлявые плашки выдирались со скрипом – одна, другая, третья...

Водитель грузовика заглушил двигатель. Пассажиры в кузове откинули борт.

– Эй, Силантий, хорош спать! – загрохотал прокуренный бас. – Пришла беда – отвориай ворота! – загоготали сразу несколько человек. – Да ладно, шутим, давай отворяй! Господа немцы прибыли и нас шестеро! Принимай, так сказать, пополнение в ряды доблестной полиции! Эй, Силантий, ты что там, замерз?

Жар ударил в голову. Вот это зашли!

– Товарищ лейтенант, это же деревенский староста... – взволнованно забубнил Дубровский, – к нему постоянно немцы приезжают... Помните, он открыл не сразу? Видать, ховал чего-то, чтобы мы не догадались. Вот сука, пришить бы всю семейку... Это Чусовой во всем виноват – зайдем, мол, в упитанную избушку...

– А че я-то? Я-то че? – возмущался Чусовой. – Я тут командую, что ли?

Шубин первым выбрался наружу. Сдавленно мяукнула кошка, промчалась чуть не по головам. Сколько их тут?

Лейтенант распластался в траве у дороги, подтянул к себе «ППШ». Перелезли остальные, пристроились рядом.

Водитель погасил фары, скрипнула дверца – человек прыгнул с подножки. Из машины выгрузилось не меньше дюжины мужиков. Половина в немецкой форме, остальные в штатском – в кепках, пиджаках, с карабинами. Видно, форму для «господ полицейских» еще не подвезли. В отблесках лунного света белели повязки на рукавах. Группа протопала к калитке, по сторонам никто не смотрел.

– Пошли... – выдохнул Глеб.

Разведчики перекатились через дорогу, поползли по траве. От леса, что чернел за дорогой, их отделяли лишь развесистое дерево, напомнившее почему-то баобаб с детской картинки, и небольшой стог сена на открытом участке.

– Василий, здесь большевики! – надрывно закричал Силантий, вываливаясь на крыльцо. – Их трое, Красная Армия! Они где-то здесь, сбежали, когда вы подъехали! Осторожно, они вооружены! Спрашивали дорогу на Ратниково!

От крапивы и злости загорелись щеки. Глеб по-пластунски пополз к развесистому дереву. Долго же еще ползти. На открытой местности их перебьют как куропаток. А где блуждают люди Климова – черт знает! Вот так и теряет разведка лучших бойцов – потому что башка не думает и все настроено на русский авось!

Забегал народ на другой стороне дороги. Загорланил офицер в приказном тоне. Заметались полицаи, не зная, как себя вести в этой ситуации. Несколько человек побежали во двор, рассыпались на открытом пространстве. Другие кинулись обратно на дорогу.

– Я вижу их! – истошно заголосил полицай, судя по голосу, – Еще мальчишка, но наблюдательный. – Вон они, за дорогой ползут!

Остальные их еще не засекли, но уже открыли огонь. Пули свистели над головами, стряса листву с дерева, до которого оставались считанные метры. Вспышки раздражались в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.